

Список цитированных источников

1. Archiwum akt nowych (AAN) syg.975/36
2. Panstwowy Archiwum w Białymstoku syg.97
3. Paczkowski Andrzej, Prasa//Encyklopedia historii Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. – S. 340-345.
4. Государственный архив Брестской области – Ф.1 – Оп.10. – Д.1281.
5. Государственный архив Волынской области – Ф.46 – Оп.9а. – Д.201.
6. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) – Ф.200 – Оп.2. – Д.12.
7. ГАГО – Ф.200 Оп.2. – Д.13
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф.242 – Оп.1. – Д.99.
9. НАРБ – Ф.242 – Оп.1. – Д.101.
10. НАРБ – Ф.242 – Оп.1. – Д.458.
11. НАРБ – Ф.242 – Оп.1. – Д.463.
12. НАРБ – Ф.242 – Оп.1. – Д.539.
13. Саламевіч, І.А. Беларуская газета // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі і: у 6 т.– Мн.: БелЭн, 1993. – Т.1. – С. 370.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.П. Мядель

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь

Развитие и углубление основных тенденций мирового политического процесса придало современному миру совершенно новое качество. В наши дни основой мировой политики уже не являются исключительно отношения между государствами. Процессы глобализации в современном мире приводят к радикальному пересмотру ценностей политики. Это проявляется в повышении статуса гражданского общества и существенном снижении авторитета волевых решений государственной власти. Конкуренция между национальными государствами проявляется, прежде всего, в состязании экономических систем, определяющих критерии конкурентной борьбы. Становится реальностью доминирование экономической рациональности над политической. Поскольку политика не создает материальных ценностей и не обеспечивает экономического роста, а лишь стимулирует его, политическое мышление новой эпохи гораздо острее осознает препятствия, которые бюрократический аппарат традиционно воздвигает на пути экономического роста.

Политический ландшафт современности характеризуется понижением роли традиционных субъектов политики и активизацией новых политических акторов в лице транснациональных корпораций (ТНК), неправительственных международных организаций и международного капитала. Глобализация ведет к заметному укреплению основ международного права, что находит проявление в частичной утрате правового суверенитета государств на своей территории. Территориальный фактор в человеческих интеракциях, который лежит в основе суверенитета государства, утрачивает вследствие глобализации свое традиционное значение и, соответственно, вместе с этим уменьшает значение государственной власти. Все это создает новые типы идентификации и консолидации населения. Следовательно, основным эффектом глобализации в политической сфере является ослабление государственного суверенитета. Данное обстоятельство существенно влияет на механизмы легитимации политической власти, что требует от авторитарных политических режимов больших усилий по сохранению автохтонности и изолированности пространства своего воздействия. В то же время очевидны и кризисные явления, вызываемые глобализацией в развитых

демократиях. Демократическая легитимность базируется на принципе большинства, реализуемом внутри политического сообщества. Ее условием является наличие «мы-идентичности», автономного решения участников политического сообщества. Глобализация, унифицируя правовые стандарты и ослабляя национально-культурную идентичность обществ, подрывает внутреннюю легитимность этих обществ. С точки зрения трансцендентальной прагматики это влечет за собой далеко идущие последствия. Разрушается нормативный базис языковых игр этих обществ, который может формироваться только на основе социальной и культурной идентичности. Правила этих игр (в политике, праве, этике) формулируются не самими участниками на консенсусно-кооперативной основе, а задаются в определенной степени извне и естественным образом перестают быть разделяемыми всеми членами коммуникативного сообщества. Происходит эрозия норм и ценностей, которая проявляется в сознательном или несознательном саботаже навязываемых норм, дисфункции механизмов общественной солидарности и коммуникации.

Эффект расшатывания общественной нормативной базы особенно заметен в развивающихся странах, которые подвержены особенно сильному влиянию и даже интервенции норм, заимствованных из других обществ. Поскольку эти влияния не могут быть органично интегрированы в автохтонные нормативные миры и не могут восприниматься как легитимные нормы, они имеют одно основное действие – релятивизации и подрыва легитимности существующих норм. Критика оснований жизненного мира рождает неизбежную тревогу, страх, а следовательно, агрессию. В долгосрочной перспективе эрозия нормативных представлений обуславливает возможность их внутренней эволюции. Рефлексия заставляет дифференцировать их, оформлять речевым образом, сопрягать с конфликтными представлениями. Этот процесс ведет, в той или иной мере, к нормативному плюрализму. Однако чрезмерно активная интервенция чуждых нормативных миров не производит этого эффекта, не воспринимается как «дополнение» имеющейся картины мира, а лишь как угроза ее разрушения. В этом случае блокируются все возможности синтеза, а чужие нормы воспринимаются как начало морального распада. Такой эффект – один из основных, производимых глобализацией. Унификация производства, потребления, культурных стандартов приводит и к унификации правовых и моральных представлений. Одни автохтонные миры оказываются способными в той или иной мере усвоить интервенцию глобальных нормативных стандартов, другие могут существовать в условиях «двойных стандартов», но есть и такие, которые реагируют на подобные интервенции болезненно и агрессивно. Тем не менее, нельзя считать, что нормативная унификация вследствие глобализационных процессов является негативным процессом. В развитых обществах она отражает собственную внутреннюю эволюцию этих миров и подрывает демократическую легитимность лишь в той мере, в какой эта легитимность приобретает не узконациональный, а планетарный масштаб. Болезненные эффекты глобализации нормативных установок в развивающихся обществах очевидны, однако и здесь процессы глобализации действуют иначе, чем на изолированные автохтонные миры. Дело в том, что эти общества уже не автохтонны, это, как правило, модернизирующиеся общества, на которые воздействует целый ряд инновационных воздействий и осуществляется массивная нормативная интервенция. Разрушение нормативных миров обусловлено здесь не в меньшей мере внутренними факторами, чем внешними. Так, для африканских племен государственная организация их общества является новой нормативной языковой игрой; таковыми же являются экономическая модернизация, внедрение образования и т.д. Ситуация в развивающихся государствах уже характеризу-

ется значительной степенью нормативного хаоса: аномией государства и анархией, социальной дезинтеграцией и нелегитимностью режимов, коррупцией и высокой преступностью. Подтачивая легитимность авторитарной власти, складывающейся на этой внутренней основе, и ограничивая ее произвол правовыми рамками международных демократических стандартов, глобализация позволяет усилить гражданский контроль внутри этих обществ за действиями власти. Размывание политической идентичности в развивающихся странах является необходимой предпосылкой для того, чтобы на этой почве происходило более активное преобразование политической системы и культуры, для которого иначе потребовались бы другие исторические сроки. То, что в развитых странах ослабляет демократию, в развивающихся странах активно усиливает ее позиции и формирует гражданское общество. Описывая ситуацию в категориях системной теории, можно сказать, что большая открытость систем по отношению друг к другу усиливает давление энтропийных факторов на более организованные системы и, напротив, сдерживает энтропийные процессы в менее организованных системах. Вследствие вызовов глобализации развивающиеся страны вынуждены более интенсивно интегрироваться, обретать политическую идентичность, выстраивать современную демократически легитимную политическую систему. Как один из вариантов ослабления и распада политико-правовых нормативных миров вследствие глобализации можно назвать уже упоминавшийся кризис социального государства. Социальное государство и социальная рыночная экономика – специфически европейская форма концептуализации государственной организации и ее задач. В своей современной форме она сформировалась после Второй мировой войны и была наиболее глубоко теоретически разработана в трудах западногерманских ученых и правоведов. Кризис социального государства проявился далеко не только вследствие сокращения налоговых сборов, необходимости снижать социальные затраты ради стимулирования конъюнктуры, ослабления государственного вмешательства в экономику и т.д. Под сомнение поставлена сама ценность социального государства и необходимость социального договора, на который опирается достигнутый в западных государствах внутренний мир. «Дорогое» социальное государство с трудом может конкурировать с «дешевыми» государствами развивающихся обществ, а также с государствами, построенными по либеральной англо-саксонской модели. Социальное государство, предоставляя дополнительные социальные гарантии, снижает сугубо экономическую мотивацию субъектов рынка и продуцирует внеэкономический, бюрократический этос. Несмотря на распространенную критику континентальной концепции за ослабление адаптационных возможностей, высокую стоимость государства и слабую конкурентоспособность, лишь она оказалась способна устранить классовый конфликт в западноевропейских обществах, гомогенизировать их и в убедительной форме реализовать принцип равенства социальных возможностей. Социальность государства усиливает элемент солидарности и благоприятствует развитию социума как реального коммуникативного сообщества на пути большего соответствия идеальному коммуникативному сообществу. Глобализация в значительной степени меняет характер представлений о государстве и его значение как социального института. Мыслить в категориях планетарной этики ответственности означает иметь в виду цели и проблемы, которые трансцендируют пределы компетенции и ответственности национальных государств. Новая ситуация характеризуется тем, что проблема безопасности не является больше исключительной проблемой национальных государств, проблема рационального распределения и расходования земных ресурсов выходит за пределы их компетенции. Вместе с тем, государство остается основным субъектом, который способен прини-

мать на себя политическую ответственность и действовать согласно ей. Государство остается институтом, который обладает монополией на легитимное насилие и способен осуществлять реальные меры по обеспечению безопасности своих граждан. С этой точки зрения очевиден ущерб, который приносит авторитету государства глобализация, сокращая арсеналы его реагирования. Преступность и терроризм, принимая международный масштаб, становятся для отдельного государства почти неуязвимыми. Следуя задаваемым правилам игры, государства начинают соревноваться за улучшение конкурентных условий на местах, сокращают налоговое бремя, социальные расходы, бюрократический аппарат. Сокращение государственных расходов вытекает из политики дерегулирования и либерализации рынков, хотя глобализация предъявляет требование к увеличению социальных услуг государства. Утрата государственной властью своего священного статуса не обязательно ведет к потере управляемости общества; она может быть вызвана увеличением степени его самоуправления. Ограничение суверенитета государства может быть следствием повышения суверенитета личности. Ослабление легитимности демократических государств может быть следствием роста легитимности демократии во всем мире. В новом мировом политическом порядке страны все более осознают себя частями единой конфедерации. Конфедерация как форма не отменяет политического суверенитета государств, но создает для них общее правовое пространство и предпосылки для более эффективной кооперации и мирного сосуществования.

Новой и активно обсуждаемой проблемой является право на гуманитарную интервенцию со стороны международного сообщества. Понятие гуманитарной интервенции ясно маркирует процесс радикального изменения ценностного фундамента международной политики. Наряду с незыблемым в течение столетий правом на защиту национального суверенитета в XX в. выросло право на защиту прав человека. При этом, если принцип защиты суверенитета воплощал мышление в категориях системной рациональности, то принцип защиты прав личности подчиняет последний императиву этического разума. Конструкция правового порядка мирового гражданства призвана снять противоречие между ними. Оба принципа должны быть не противопоставлены друг другу, а дополнять друг друга. Сохраняя значение защиты национального суверенитета как начала, государства должны ориентировать ее на универсальную ценность и регулятивный принцип защиты человеческого достоинства. Правовая реальность международных соглашений обретает благодаря глобализации контуры санкций, и уже не только экономических санкций ведущих государств, но военных санкций мирового сообщества. Нарушение универсальных прав человека легитимирует вмешательство международного сообщества, а военный перевес международного сообщества по отношению к отдельным государствам с авторитарными режимами сегодня настолько подавляющ, что не вызывает никаких препятствий его осуществление в рамках «полицейского контроля». Вопрос о гуманитарной интервенции затрагивает сложную проблему связи международной политики развития (по отношению к странам третьего мира) и национальной политики интересов в эпоху глобализации. Политика развития, целью которой провозглашается модернизация и приближение развивающихся стран к уровню, достигнутому развитыми странами, ориентирована на движение к идеалу совершенного коммуникативного сообщества. Она ставит задачу опосредования интересов всеобщего и собственного развития, которая до сих пор не имеет удовлетворительного разрешения. Пока в определении форм и правил организации нового мирового порядка не будут участвовать сами страны третьего мира, этот порядок не станет легитимным и моральным.